

А.Ю. Саркисова

**ТЕМА ПОТЕРЯННОГО СЧАСТЬЯ В РОМАНАХ
«ДОВОДЫ РАССУДКА» ДЖ. ОСТЕН И «ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН» А.С. ПУШКИНА**

В статье проводится сравнительно-типологический анализ особенностей воссоздания нравственно-философской концепции счастья в романах «Доводы рассудка» Джейн Остен и «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Определенная близость сюжета, поэтики образов, способов выражения авторской позиции, рассмотренных в контексте изображения человека, его жизненных стремлений, внешних и внутренних установок, определяется доминированием этической проблематики в русской и английской прозе XIX в. и жанровыми особенностями усадебного романа.

Ключевые слова: Джейн Остен, «Доводы рассудка», «Евгений Онегин», философия счастья, русско-английские литературные связи.

Среди центральных философских проблем, актуализирующих нравственный опыт классической литературы, важное место занимает проблема человеческого счастья как состояния внутренней удовлетворенности, полноты жизни и осознания реализации своего жизненного предназначения.

Проблема достижимости счастья как состояния гармонии остро поднимается в так называемой усадебной прозе, в основе которой лежит миф об утраченном рае. Жанровые свойства усадебной прозы – хронотоп усадьбы, удаленной от городской суеты, обязательное наличие любовной коллизии на лоне природы (усадьба «есть пространство любви по определению» [1. С. 111]), этическая оппозиция города и деревни – позволяли авторам сосредоточиться на нравственно-философских, вечных вопросах. Особо заметное развитие усадебная проза получает в английской и русской литературах.

Английский усадебный роман опирался на английскую сенсуалистическую философскую этику (Энтони Шефтсбери, Фрэнсис Хатчесон, Адам Смит), в которой счастье оказывалось в отношениях взаимообусловленности с долгом. Английские философы-моралисты полагали, что только добродетель человека делает его счастливым. Так, представитель раннего английского Просвещения Энтони Шефтсбери (1671–1713) считал, что истинная добродетель есть примирение эгоистических и общественных наклонностей.

Фрэнсис Хатчесон (1694–1747) видел источник высшего наслаждения в бескорыстной благожелательности. Адам Смит (1723–1790) ввел понятие «снисходительной симпатии» для обозначения нравственного отношения к другим людям как естественного преодоления эгоизма, отмечая, что «никакой поступок не может быть назван добродетельным, если он не сопровождается внутренним чувством одобрения» [2. С. 179]. Смит признавал значимость сознания долга в нравственном поведении человека, однако ведущую роль отводил именно чувству, естественным побуждениям. Категория долга теряет, таким образом, свою суровость, семантику, связанную с подавлением естественных стремлений человека, насилием общественных обязательств над личными потребностями.

Вместе с тем Смит подчеркивает социальную природу долга («Наше уважение к общим правилам нравственности и есть собственно так называемое чувство долга» [2. С. 163]), однако попечение об общественном благе, согласно его позиции, не требует жертвовать личным благом. Напротив, одной из важных и естественных человеческих добродетелей Смит называет благоразумие, «под которым понимает заботу человека о собственном здоровье и благополучии, о своем добром имени, короче говоря, о своем счастье» [3. С. 20]. Идеал нравственной гармонии, предложенный английской философией Просвещения, – один из главных факторов ее привлекательности для европейской культуры.

Особое значение нравственно-философская проблематика счастья и долга имеет для русской литературы. Русский и английский роман XIX в. сближает прежде всего этическая доминанта. В русских классических романах счастье также возможно лишь при условии ненарушения долга. Причем принципиально, что долг не столько навязывается обществом, сколько является непреложной внутренней потребностью положительного героя. Так, в русской литературе проблема счастья актуализируется в романах «Евгений Онегин» и «Дубровский» А.С. Пушкина, повестях и романах И.С. Тургенева 1850-х гг., романе «Обрыв» И.А. Гончарова.

В Англии, стране, сопоставимой с Россией по значению и масштабу усадебной культуры, ярчайшим представителем усадебной прозы была Джейн Остен (1775–1817). Усадебный роман Остен дает своеобразную художественную параллель английской философии нравственной гармонии человека. Материалом изображения высту-

пает обывденная провинциальная жизнь: автора интересует воплощение позитивной нормы в реальной жизни и частных судьбах.

Романы «Доводы рассудка» Дж. Остен и «Евгений Онегин» А.С. Пушкина имеют в основе похожий кольцевой любовный сюжет. На материале перекликающихся фабул интересны варианты художественных решений в двух романах проблемы счастья в контексте национальной философии, авторской эстетики и жанровой традиции.

Несмотря на заметно возросшую за последние годы популярность английской писательницы в России, сопоставление ее творчества с одним из центральных произведений русской литературы, вероятно, требует оговорки в связи с тем, что в России Джейн Остен даже не всегда считают классиком. Как отмечает К.Н. Атарова, «не многие писатели – возможно, только Шекспир и Диккенс – удостоились большего культа в Англии, чем Джейн Остин» [4. С. 126]. То, что Джейн Остен является в Англии одним из самых почитаемых и изучаемых авторов, можно объяснить тем, что ей удалось (во многом благодаря выбору усадебного хронотопа) актуализировать в своих романах проблему национальной самобытности: почитание «естественной» природы, приоритет семьи и дома, культуру частной жизни, нравственное «джентльменское» отношение к окружающим и доминирующую идею личности. Некоторая недооценка этой романистки в других странах определяется связью содержания ее романов с глубинной национально значимой проблематикой, не до конца понятной и близкой иностранному читателю. Так же, как Пушкин – первое имя в русской литературе – на Западе уступает по популярности Достоевскому, Толстому, Чехову не только из-за сложностей перевода, но и потому что он, несмотря на «всечеловеческую отзывчивость», отразил национальное самосознание, имеющее безусловное значение прежде всего для русского читателя.

Документальных свидетельств знакомства Пушкина с творчеством Джейн Остен нет. Известно лишь о значительном интересе Пушкина к английской литературе и философии в целом. Так, «в библиотеке Пушкина были хорошо представлены Шекспир, Милтон и ряд других английских классиков, почти все самые заметные авторы восемнадцатого века, а также современные поэты, романисты и эссеисты» [5. С. 61].

В числе английских авторов, оказавших наибольшее влияние на Пушкина, автор исторических романов Вальтер Скотт. В частности, известно, что Пушкин читал роман Вальтера Скотта «Сент-Ронанские воды». Именно в этом романе В. Скотт повернулся от изображения исторического прошлого в сторону изображения современности, поставив задачу «celebrare domestica facta» – прославить события обыденной жизни, происходящие «вокруг нас ежедневно» [6. С. 7]. Во вступлении к «Сент-Ронанским водам» Скотт указал на целую традицию английского женского романа, поднявшего данный жанр на небывалую высоту: «Можно было бы составить даже целый список таких сочинительниц, начиная от автора «Эвелины» и заканчивая автором «Супружества». Туда вошли бы имена столь блестящих и талантливых писательниц, как мисс Эджворт, мисс Остин, мисс Чарлот Смит, а также еще многих других, чьи успехи способствовали закреплению этого вида романа почти исключительно за женщинами-писательницами» [6. С. 8]. Таким образом, как минимум при посредстве В. Скотта знание о существовании целостной традиции английского женского романа «из современной жизни» А.С. Пушкину было доступно.

Пушкин также мог знать о творчестве Марии Эджворт, близкой Остен по эстетике и стилистике. Как отмечает А.А. Долинин, изучая связи Пушкина с Англией, «надо учесть, что основным источником Пушкину всё-таки служили разговоры с русскими знатоками Великобритании – А.И. Тургеневым, С.А. Соболевским, П.Б. Козловским и др.» [5. С. 62]. Примечательно здесь имя А.И. Тургенева, который гостил в Абботсфорде у В. Скотта и был знаком с Марией Эджворт.

Об английском нравственно-психологическом романе писал также В.А. Жуковский – в письме Анне Петровне Зонтаг в апреле 1836 г. он советовал приняться за написание романа, взяв за образец «Елену» Марии Эджворт: «Описывайте тот свет, который знаете... Напишите что-нибудь простое, привлекательное истиной происшествий и локальной верностью. А чтоб понастроиться, то перечитывайте лучшие романы В. Скотта, Клариссу, Miss Edgeworth, особенно Hélene. Все это найдете в библиотеке графини Воронцовой. Чтобы нравственность была в применении, но чтобы в самом романе было только живое, верное изображение человека и общества» [7. С. 111–112].

Таким образом, сложно ставить вопрос о генетических связях романов «Доводы рассудка» и «Евгений Онегин». Однако их типологическое сравнение позволяет сопоставить национальные версии проблемы счастья.

Героиня «Доводов рассудка» Энн Эллиот когда-то разорвала помолвку с горячо любимым ею капитаном Фредериком Уэнтуртом, поддавшись убеждениям родных, нашедших, что он не пара для дочери баронета. Спустя восемь лет Энн встречается с ним вновь в узком деревенском кругу близких людей и соседей, только Фредерик уже богат, уважаем, вызывает всеобщее восхищение и считается отличной партией. Он по-прежнему любит Энн, но не может простить ее и держится холодно. Основной мотив «Доводов рассудка» – мотив потерянного счастья, невозможности повернуть время вспять. Большая часть романа посвящена тонким психологическим описаниям переживаний героини, изображению противоборства любви и отчужденности, чувства вины и надежды на счастье. Финал – по английской традиции – счастливый: письмо, решающее объяснение и помолвка.

История отношений Онегина и Татьяны отчасти похожа: Онегин отвергает любовь Татьяны, встречается с ней после ряда событий в своей жизни, застаёт Татьяну светской дамой, женой генерала, влюбляется, но получает отказ, несмотря на неугасшую любовь героини.

В русском и английском романах любовь, счастье предстают как наивысшая ценность, но чрезвычайно хрупкая: счастье легко потерять. Потерянное счастье изображается авторами с глубоким драматизмом («Прежде столь дорогие друг другу! И теперь друг для друга никто» [8. С. 486]; «И вот они чужие; нет, хуже еще, чем чужие, ибо им сойтись не суждено. Это отчуждение навеки» [8. С. 486]; «А счастье было так возможно, / Так близко!...» [9. С. 160]).

Кольцевой сюжет позволяет авторам двух романов соединить вновь людей, много переживших и духовно выросших, способных осознать ценность и цену счастья. Для русской и английской литературы XIX в. оказывается очень важной идея нравственного самосовершенствования, самосовершенствования личности как результата ежедневного духовного труда. Онегин сумел полюбить Татьяну, только пережив ряд душевных потрясений; Пушкину, как и Остен, понадобилось отобразить временную дистанцию, чтобы показать развитие героя,

познание им себя. Если финал «Доводов рассудка» знаменует, что духовно повзрослевшие герои стали достойны счастья, в русском романе отражены драматизм расплаты за ошибки молодости и незавершенность пути главного героя.

Фоном при воссоздании темы счастья в «Доводах рассудка» и «Евгении Онегине» становятся судьбы других героев.

Среди второстепенных персонажей английского романа – счастливая чета Крофтов: адмирал и миссис Крофт никогда не расстаются, и нет в романе большей картины супружеского счастья. Это отнюдь не романтические герои, автор постоянно подчеркивает их обыденность, однако в изображении этой будничной жизни сквозит поэтика прекрасного чувства, которым любитесь автор.

Покойной матери Энн, как и матери сестер Лариных, привычка заменила счастье: она уехала в деревню и увлеклась хозяйством и детьми. Об этой героине Остен можно сказать пушкинскими словами «привыкла и довольна стала». Женщина «необыкновенная по уму и сердцу», она прожила с нелюбимым супругом семнадцать лет, и «хотя самое ее нельзя было назвать счастливейшей женщиной, домашние заботы, дети и обязанности дружбы привязывали ее к жизни, и потому ей жаль было с нею расстаться, когда пришлось их оставить» [8. С. 432].

Привычка не может заменить счастье, но отлаженный устоявшийся быт и крепкие семейные узы дорого стоят для англичанина. Выбор спутника жизни в английской литературе часто диктовался не роковыми страстями, а житейской дальновидностью, мудростью в земной обыкновенной жизни.

Изображение в «Евгении Онегине» патриархального уклада Лариных, любование их хлебосольством, уютом оправдывают спокойный ход семейной жизни. В связи с изображением семейства Лариных возникает тема дома, «гнезда» – где нет страстей, высоких духовных запросов, но есть привязанность и согласие.

Еще один представленный в «Доводах рассудка» вариант жизненного самоощущения связан с образом центральной героини. Поверив в равнодушие Фредерика и услышав случайно его нелестный отзыв о себе, Энн даже обрадовалась этому: «Слова эти отрезвляли; охлаждали пыл души; они успокаивали, а ведь покой – замена счастья» [8. С. 484].

Проскользнувшее замечание «покой – замена счастья», совпадающее в русском переводе с цитатой из пушкинского романа, близко авторской позиции. Джейн Остен пропагандирует душевное смирение, наградой за которое становится отсутствие волнения, сердечных терзаний. Вместе с тем симптоматично, что ни одной ее любимой героине не придётся удовлетвориться состоянием покоя: все шесть законченных романов Джейн Остен завершаются счастливыми браками. Это лучшее свидетельство того, что покой в концепции автора полноценной «заменой» счастьем не является.

Пафос прозрения Онегина заключается в том, что ничто не может заменить счастья: «Чужой для всех, ничем не связан, / Я думал: вольность и покой / Замена счастьем. Боже мой! / Как я ошибся, как наказан» [9. С. 153]. В пушкинском творчестве («Евгений Онегин», «Пора, мой друг, пора») покой постоянно оказывается рядом со счастьем – причем, с одной стороны, противопоставляется ему, с другой стороны, тоже ценится весьма высоко.

Истинное счастье может основываться только на гармонии с самим собой. С образом центральной героини в двух романах связана проблема счастья и долга.

Энн Эллиот видит свой долг в послушании отцу и леди Рассел, заменившей ей мать. После счастливой развязки Энн не жалеет о потерянных годах, говоря, что была бы несчастна, если бы восемь лет назад пошла наперекор родным: «И всё же я была права, послушавшись ее, и поступи я иначе, не порви я помолвки, я страдала бы даже еще более, ибо совесть моя была бы неспокойна. Сейчас (если только такое согласно с природой человеческой) мне не в чем себя упрекнуть; и если я не ошибаюсь, строгое чувство долга – в женщине не вовсе не худшее свойство» [8. С. 649].

В другом романе Джейн Остен прямо констатирует, что «мало подлинного счастья ждет супружескую чету, соединившуюся под влиянием страстей, которые оказались более сильными, чем чувство ответственности и долга» [10. С. 666].

Пушкинская Татьяна в финале также сама делает выбор: доводы собственного рассудка обуздывают страсти и руководят поступками. Доводы рассудка, таким образом, обозначают проблему корреляции разума и чувства.

Энн Эллиот предстает в романе женщиной, «умеющей властвовать собой, тихой и ровной в обращении» [8. С. 564]. Умение власт-

зовать собой – сквозная характеристика героинь Джейн Остен. Ее благоразумные героини (Элинор Дэшвуд, Джейн Беннет, Фанни Прайс, Энн Эллиот) не могут позволить себе безумный поступок, противоречащий общественным правилам, обычаям, приличиям.

Весьма отличается от них русская Татьяна, которая не стесняется своих чувств, не боится быть непохожей на других, ищет себя: «послушная влеченью чувства» [9. С. 57], «предается безусловно / Любви, как милое дитя» [9. С. 57], пишет «письмо, где сердце говорит, / Где всё наруже, всё на воле...» [9. С. 148]. Но в момент необходимости выбора между счастьем и долгом Татьяна, подобно героиням Остен, непреклонна.

Для русского романа не характерны счастливые концы, в которых «Всегда наказан был порок, / Добру достойный был венок» [9. С. 51].

Счастливые финалы английских романов, определявшиеся просветительским оптимизмом, верой в то, что мир развивается в сторону прогресса, с одной стороны, не могли не очаровывать зарубежного читателя своей гармонией, непротиворечивостью (русские путешественники неоднократно отмечали, что английские идиллические финалы основаны на реальных явлениях английской сельской жизни), с другой стороны, в России они часто подвергались иронии как литературное упрощение, не востребованное на фоне напряженного драматизма русской жизни.

Таким образом, типологическое сравнение отражения проблемы счастья в романах «Доводы рассудка» и «Евгений Онегин» обнаруживает очевидную близость, вплоть до текстовых соответствий, изображения характеров и коллизий.

Типологическая близость романов «Евгений Онегин» и «Доводы рассудка» определяется доминированием близкой нравственно-философской проблематики, свойственной русской и английской литературе, и жанровыми особенностями европейского усадебного романа. Исследование генетических контактов творчества Пушкина с английским нравоописательным романом представляется весьма перспективной проблемой.

Литература

1. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. 528 с.

2. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.
3. Мееровский Б.В. Адам Смит как философ-моралист // Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 5–28.
4. Атарова К.Н. Англия, моя Англия: эссе и переводы. М.: Радуга, 2006. 408 с.
5. Долинин А.А. Пушкин и Англия // Эткиндовские чтения: сб. ст. по материалам чтений памяти Е.Г. Эткинда. СПб., 2005. С. 56–86.
6. Скотт В. Сент-Ронанские воды // В. Скотт. Собр. соч.: в 20 т. М.; Л., 1964. Т. 16. 570 с.
7. Уткинский сборник. М., 1904. Вып. 1: Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / под ред. [и с предисл.] А.Е. Грузинского. 302 с.
8. Остен Дж. Доводы рассудка / пер. с англ. Е. Суриц // Дж. Остен. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1989. С. 431–654.
9. Пушкин А.С. Евгений Онегин // А.С. Пушкин. Собр. соч.: в 10 т. М., 1975. Т. 4. С. 7–162.
10. Остен Дж. Гордость и предубеждение / пер. с англ. И. Маршака // Собр. соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 1. С. 36–736.

THE THEME OF LOST HAPPINESS IN THE NOVELS *PERSUASION* BY JANE AUSTEN AND *EUGENE ONEGIN* BY A.S. PUSHKIN

Text. Book. Publishing. 2014, no. 1 (5), pp. 62–71.

Sarkisova Anna Yu. Tomsk Institute of Business (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anju@sibmail.com

Keywords: Jane Austen, *Persuasion*, *Eugene Onegin*, philosophy of happiness, Russian and English literary contacts.

Two classic novels of English and Russian literature – *Persuasion* by Jane Austen and *Eugene Onegin* by A.S. Pushkin – with a similar ring love story provide an interesting opportunity to analyze some variations of fiction solutions to the problem of happiness in the context of national philosophy, author's aesthetics and genre tradition.

The motive of the lost happiness is one of the key ones in the central love conflict of the two novels. Happiness appears in *Persuasion* and *Eugene Onegin* as the highest but fragile value: happiness is easy to lose. The ring plot allows the authors to connect again a couple of people who experienced a lot and grew spiritually, who are able to realize the worth and value of happiness. The idea of moral self-standing, individual perfection as the result of daily spiritual work is very important in English and Russian literature of the 19th century. Pushkin, like Austen, needed to display the temporal distance to show the development and self knowledge of the hero.

The topic of happiness has the background of other destinies in *Persuasion* and *Eugene Onegin*. There are pictures of the beautiful feeling in everyday life, of habits that replace happiness, of quiescence as an intentional choice in the novels. The author's position is that there is no substitute for happiness.

True happiness can only be based on harmony with one's own self. The central heroines in both novels face the problem of happiness and debt correlation. Rationality in actions denotes the problem of mind and sense correlation and debt is connected with 'the ability to control oneself' in the novels.

The English novel is based on the English sensual philosophical ethics, in which happiness and debt are in a relationship of interdependence but not mutual exclusion. Jane Austen's novel offers the option of human moral harmony.

While *Persuasion* final signifies that spiritually matured heroes become worthy of happiness the Russian novel reflects the drama of reckoning for errors of youth and incompleteness of the main hero's way.

The happy endings of English novels defined by enlightenment optimism and by the belief that the world develops in the direction of progress, on the one hand, could not but fascinate foreign readers by their harmony and consistency. On the other hand, in Russia they were subjected to irony as literary simplifications uncalled on the background of the intense drama of Russian life.

The typological comparison of the happiness problem reflection in *Persuasion* and *Eugene Onegin* discovers an obvious affinity of characters and collisions up to text similarities determined by the dominance of close moral-philosophical problems inherent to Russian and English literature and genre peculiarities of the European novel of the 19th century.

References

1. Dmitrieva E.E., Kuptsova O.N. *Zhizn' usadbnogo mifa: utrachennyy i obretennyy ray* [Life the manor myth: Paradise lost and found]. Moscow, OGI Publ., 2008. 528 p.
2. Smith A. *The theory of moral sentiments*. Boston, 1817. (Russ. ed.: Smith A. *Teoriya npravstvennykh chuvstv*. Moscow, Respublika Publ., 1997. 351 p.).
3. Meerovskiy B.V. *Adam Smit kak filosof-moralist* [Adam Smith as a philosopher and moralist]. In: Smith A. *Teoriya npravstvennykh chuvstv* [The theory of moral sentiments]. Moscow, 1997, pp. 5–28.
4. Atarova K.N. *Angliya, moya Angliya: esse i perevody* [England, my England. Essays and translations]. Moscow, Raduga Publ., 2006. 408 p.
5. Dolinin A.A. *Pushkin i Angliya* [Pushkin and England]. In: *Etkind Reading*. Coll. articles. St. Petersburg, 2005, pp. 56–86.
6. Scott W. *Saint Ronan's Well*. Boston, James R. Osgood and company, 1871. (Russ. ed.: Scott W. *Sobranie sochineniy*: V 20 t. Moscow, Leningrad, 1964. Vol. 16. 570 p.).
7. Gruzinskiy A.Ye. (ed.) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo, M.A. Moyer i E.A. Protasovoy* [Letters of V.A. Zhukovsky, M.A. Moyer and Ye.A. Protasova]. In: *Utkinskiy sbornik* [The Utkinsk Collected Works]. Moscow, 1904, Issue 1. 302 p.
8. Austen J. *Persuasion*. John Murray, 1818. (Russ. ed.: Austen J. *Sobranie sochineniy*: v 3 t. Moscow, 1989. Vol. 3, pp. 431–654).
9. Pushkin A.S. *Sobranie sochineniy*: v 10 t. [Collected Works. In 10 vols.]. Moscow, 1975. Vol. 4, pp. 7–162.
10. Austen J. *Pride and Prejudice*. T. Egerton, Whitehall, 1813. (Russ. ed.: Austen J. *Sobranie sochineniy*: v 3 t. Moscow, 1988. Vol. 1, pp. 36–736).